

Научная статья

УДК 343.3/7

<https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.14>

Научные подходы к разработке новой редакции статьи 230 УК РФ и ее судебнo-практического толкования

Антон Андреевич Савинков

rabotapgu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2593-5761>

Аннотация. Статья содержит краткое изложение взглядов автора на перспективные направления совершенствования уголовно-правовых основ противодействия склонению к потреблению наркотиков. Так, с учетом мнений ученых и судебной практики автор предлагает вариант толкования объекта исследуемого преступления. На основании анализа практики, экспертных оценок и зарубежного опыта обосновывается закрепление в ст. 230 УК РФ признаков понятия «склоняемое лицо (потерпевший)», разрабатывается дефиниция термина «склонение» и указывается на целесообразность ее отражения в законе. Для разграничения преступлений и уточнения квалификации ряда ситуаций автор предлагает дифференциацию признаков «склонения» с учетом характеристики интеллектуального и волевого моментов умысла. В завершение статьи приводится вариант авторской редакции ст. 230 УК РФ и дополнения ее судебного толкования, учитывающий результаты научных изысканий автора.

Ключевые слова: склонение, наркотические средства, психотропные вещества

Для цитирования: Савинков А.А. Научные подходы к разработке новой редакции статьи 230 УК РФ и ее судебнo-практического толкования // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8. С. 83–94. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.14>.

Original article

Scientific approaches to the elaboration of amended version of section 230 by the Criminal Code of the Russian Federation and its judicial and practical interpretation

Anton A. Savinkov

rabotapgu@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2593-5761>

Abstract. The paper contains a brief outline of the author's views on promising directions for improving the criminal law basis for counteracting drug inducement. Thus, taking into account the views of scholars and jurisprudence, the author proposes a variant interpretation of the object of the investigated crime. Based on an analysis of practice, expert assessments and foreign experience, it substantiates the inclusion of the concept of "victim" in section 230 by the Criminal Code of the Russian Federation, developing a definition of the term "inducement" thereof as well as indicating the appropriateness of its reflection in the Criminal Law. In order to distinguish offences and clarify the qualification of a number of situations, the author suggests differentiating the signs of "inducement" by taking into account the characteristics of the intellectual and volitional moments of intent. Lastly, the paper concludes with the author's version of section 230 by the Criminal Code of the Russian Federation supplemented by a judicial interpretation that takes into account the results of the author's scholarly research.

Keywords: Inducement, narcotic drugs, psychotropic substances

For citation: Savinkov A.A. Scientific approaches to the elaboration of amended version of section 230 by the Criminal Code of the Russian Federation and its judicial and practical interpretation // Society: Politics, Economics, Law. 2021. No. 8. P. 83–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.8.14>.

Противодействие склонению к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – «склонение») – это одно из направлений правоохранительной деятельности, предупреждающей наркотизацию населения. Как показывают результаты проведенного нами опроса наркопотребителей, порядка 63 % из них начали принимать наркотики в результате «склонения». В этой связи уточнение признаков преступления, являющихся основой означенной правоохранительной деятельности, имеет немалое значение для современного общества и определяет актуальность настоящей работы.

1. Теоретической основой исследования является формирование представления об объекте преступления. Изучение научной литературы и судебной практики показало, что единого подхода к его толкованию не сложилось, что актуализирует разработку доктринальной дефиниции.

В уголовном праве обосновываются взгляды на объект преступления как на общественные отношения; постулируется оценка объекта как ценности, блага; в качестве объекта упоминается и

человек [1, с. 15–16]. Отмечая теоретическую значимость всех обозначенных точек зрения, мы вынуждены признать, что наиболее приемлемой для нас представляется трактовка объекта как общественных отношений. В этом случае им выступает явление, в структуре которого выделяются субъект, предмет (благо), социальные связи и нормы [2, с. 269]. Ввиду системных отношений этих элементов деструктивное воздействие на один из них влечет изменение общественных отношений в целом. Системно-структурный характер данной категории позволяет охватить все многообразие вреда, причиняемого «склонением» конкретному лицу, здоровью населения, социальным связям.

Родовой объект преступления теоретически связывается с названием раздела УК РФ, к которому принадлежит комментируемая статья. В случае со «склонением» он связан с общественной безопасностью и общественным порядком. Многообразие научных подходов к определению данных понятий, достойное обобщения в отдельной работе, свидетельствует о сложности установления их сущности [3]. В этой связи для целей правового анализа ст. 230 УК РФ логично ориентироваться на признаки означенных понятий в нормативных актах федерального уровня – на системное толкование права. Такие акты связывают общественную безопасность с широким перечнем угроз существования социума (ст. 4 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации), а общественный порядок – со спокойствием в общественных местах (ст. 2 ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ). Основываясь на таком разграничении этих понятий, мы полагаем, что «склонение» посягает на общественные отношения по обеспечению общественной безопасности. Вред общественному порядку может быть факультативным (жертва, употребившая наркотик, может нарушать спокойствие в общественных местах).

Видовой объект преступления в теории связывается с названием главы УК РФ; применительно к «склонению» им является здоровье населения и общественная нравственность. В Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ зафиксированы базовые характеристики охраны здоровья населения: профилактика заболеваний, сохранение и укрепление здоровья, поддержание долголетней активной жизни, предоставление медицинской помощи. Уголовно-правовая доктрина также связывает здоровье населения с предупреждением развития болезней [4, с. 8–9]. В этой связи очевидно, что «склонение», распространяющее наркопотребление, посягает на общественные отношения по охране здоровья населения. Общественная нравственность толкуется Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ) через признак явной аморальности поведения (определение КС РФ от 08.06.2004 г. № 226-О). В науке уголовного права данное понятие также связывается с нарушением системы нравственных ценностей [5, с. 13]. «Склонение», конечно же, способно содействовать разложению нравственных устоев общества, но существуют ситуации, в которых явная аморальность действий «склонителя» может быть взята под сомнение (незаконное предложение наркотика для снятия болевого синдрома). В этой связи вред общественной нравственности, хотя и распространен, но факультативен.

Непосредственный объект исследуемого преступления ученые и практики определяют как здоровье человека и его конституционные права (в судебной практике); отождествляют с видовым объектом [6, с. 713]; связывают с распространением информации о наркотиках [7]; толкуют как правоотношение, основанное на запрете немедицинского потребления наркотиков [8, с. 25]; указывают на социальную направленность деяния – на формирование среды наркопотребителей [9, с. 231]. Мы полагаем, что данные подходы с разных сторон верно раскрывают сущность «склонения», но не позволяют точно определить границы этого понятия и отделить его содержание от толкований объектов смежных правонарушений. А ведь, как справедливо отмечает В.Н. Винокуров, «смысл выделения непосредственного объекта состоит в том, чтобы конкретизировать степень общественной опасности деяния и определить пределы преступного поведения» [10, с. 100]. Характеризуя возможности конкретизации непосредственного объекта, В.Н. Винокуров приводит позицию А.Е. Фролова, согласно которой при определении такого объекта может учитываться как общественное отношение целиком, так и его компоненты – «возможность определенного поведения, само поведение, носитель отношений – личность» [11].

Чтобы непосредственный объект «склонения» точно выражал его социальную природу, способствовал систематизации и квалификации правонарушений, его определение, полагаем, должно быть описательным. В рамках действующего закона и его судебного разъяснения мы предлагаем следующую трактовку анализируемого объекта: непосредственный объект «склонения» – это «общественные отношения в сфере охраны здоровья населения от формирования (поддержания численности и расширения) девиантной среды потребителей наркотиков, происходящего в результате возбуждения у жертв желания употребить наркотик, обмана или принуждения к его потреблению».

В свете же результатов изучения судебной практики, экспертных оценок и предлагаемых нами изменений, изложенных и аргументированных ниже (п. 2, 3), данную формулировку следует

уточнить, изложив так: «...возбуждения у конкретных жертв желания, убеждения...». Эти дополнения выражают специфику объекта, качественные признаки криминальной социальной практики, определяемой как «склонение».

2. Согласно теории уголовного права факультативным признаком объекта является предмет преступления (потерпевший). Воздействуя на него, субъект причиняет вред объекту преступления [12, с. 8–9]. Поэтому спорной представляется точка зрения [13, с. 549], согласно которой в качестве предмета «склонения» рассматриваются наркотики, ведь само воздействие на них (характерное больше для иных преступлений – изготовления, производства, переработки...) вряд ли с очевидностью причиняет вред непосредственному объекту «склонения», связанному с воздействием на жертву (возбуждение желания, обман, принуждение) и на социум (формирование наркосреды). Точнее сказать, что деструктивное воздействие осуществляется в отношении физического лица (потерпевшего), в том числе с использованием наркотиков, являющихся в этой связи не предметом, а факультативным средством преступления. То есть данное воздействие характеризуется не предметом, а потерпевшим.

Отметим, что потерпевший в механизме «склонения» имеет особое криминалистическое значение. Среди вопросов о потерпевшем, в части которых может быть актуален сбор доказательственной информации, укажем: а) сведения о количестве потерпевших и их личностях; б) характер отношений со «склонителем»; в) опыт потерпевшего по потреблению наркотиков; г) его предшествующее преступлению поведение, причинно-следственно связанное со «склонением»; д) его поведение во время преступления; е) поступки, вызванные «склонением». Уголовным законом установлено, что множественность и несовершеннолетний возраст потерпевших являются квалифицирующими признаками «склонения», однако логично полагать, что и другие вышеуказанные обстоятельства способны влиять на оценку преступления. Их целесообразно учитывать для оценки механизма преступления, причин выбора конкретной жертвы и формы воздействия на нее, что в итоге может влиять не только на процесс доказывания, но и на оценку опасности содеянного. В этой связи полагаем, что они требуют не только криминалистической, но и уголовно-правовой характеристики.

Однако, уделив внимание квалифицирующим обстоятельствам, связанным с жертвой, работчики ст. 230 УК РФ, не указали составообразующих признаков понятия «потерпевший» (в ч. 1). В то же время в ряде других статей УК РФ они обозначены. Например, «другое лицо» – в ст. 105, 121, 122; 128¹; «больной» – в ст. 124; «пациент» – в ст. 124¹; «лицо, находящееся в опасности» – в ст. 125; «человек», «лицо», «похищенное лицо» в ст. 126–128; «потерпевшая», «потерпевший» в ст. 131–132 УК РФ. В нормах чешского и словенского уголовного права, близких к ст. 230 УК РФ, определено, что деяние осуществляется в отношении «другого лица». Это говорит о возможности закрепления в ст. 230 УК РФ признаков такого элемента преступления, как потерпевший.

Для этого необходимо решить основной вопрос – о персонифицированности или неперсонифицированности потерпевшего, поскольку это определяет параметры жертвы, границы преступного деяния, умысла.

Ст. 230 УК РФ предусматривает возможность склонения «двух и более лиц», а также использование сети Интернет, что может трактоваться как указание на возможность неперсонифицированного воздействия. Пленум ВС РФ разъясняет, что потерпевший – «другое лицо», без уточнения каких-либо его признаков. Это создает почву для противоречивых интерпретаций данного понятия.

Выборочное исследование судебной практики показало, что «склонение» рассматривается судами как деяние в отношении конкретного потерпевшего. Однако экспертным опросом работников правоохранительных органов установлено, что некоторые респонденты допускают «склонение» в отношении неопределенного круга лиц, например, в сети Интернет, в общественных местах, на массовых мероприятиях; другие же эксперты отмечают исключительно персонифицированный характер преступления. Разнообразие оценок позволяет предположить, что в досудебной практике данный вопрос остается противоречивым, что может приводить к неединообразным решениям в вопросах привлечения к ответственности.

В случае закрепления неперсонифицированного воздействия могут возникнуть предпосылки для расширительного толкования «склонения». Например, можно будет ставить вопрос о квалификации непринятия мер к уничтожению дикорастущих наркосодержащих растений в качестве «склонения неопределенного круга лиц». Очевидно, что неконкретность жертвы будет способствовать и отождествлению «склонения» с пропагандой и незаконной рекламой наркотиков. Конкретизация же потерпевшего подчеркнет границы этих деяний. О целесообразности подобного действия говорит и зарубежный опыт. Так, в доктрине германского и швейцарского права деяния, схожие со «склонением», толкуются как воздействие только на конкретное лицо.

Для закрепления персонифицированности потерпевшего логично ввести понятие «склоняемое лицо» в дефиницию преступного деяния (п. 3) и правила его квалификации (п. 4–5). Понятие «склоняемое лицо», трактуемое подобно «похищенному лицу» в ст. 126 УК РФ, представляется

более точным, чем «другое лицо», «потерпевший», поскольку эти наименования могут быть применены к любому лицу, ставшему адресатом информации, содержащей признаки «склонения», а «склоняемое лицо» – всегда реципиент целенаправленного воздействия (в том числе и в сети Интернет; иное характерно для пропаганды и рекламы наркотиков, криминализация которых поддерживается нами). Большинство опрошенных нами экспертов согласны с таким подходом.

3. Основным признаком объективной стороны состава преступления является преступное деяние, которое в ст. 230 УК РФ охарактеризовано лаконично как «склонение к потреблению...»; лишь некоторые способы его реализации указаны как квалифицирующие признаки преступления (насилие, угроза его применения, использование информационных сетей). Судебное толкование связывает «склонение» с однократным или неоднократным воздействием, возбуждающим желание потребить наркотик (предложение, совет, просьба, уговоры), обманом и иными действиями, принуждающими к потреблению.

Исследованием установлено, что ученые и практические работники неединообразно трактуют ст. 230 УК РФ в части деяния. Это свидетельствует о том, что регламентация ответственности и ее толкование не вполне достаточны. Учитывая, что в оценке постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ПВС РФ) как источника уголовного права есть некоторая неопределенность, мы полагаем целесообразным зафиксировать дефиницию преступного деяния в ст. 230 УК РФ как нормативную основу квалификации; а более «частные» правила правовой оценки, основанные на норме закона, уточнить в постановлении ПВС РФ. Для этого рассмотрим наиболее спорные вопросы.

А. Существуют мнения ученых [14] и установленные опросом экспертные оценки, что некоторые действия в принципе не могут быть способами «склонения», например, демонстрация наркотика или его потребления, предложение в форме вопроса, однократное предложение или совет, не связанные с навязыванием наркотиков. Достоинством таких подходов выступает гуманность, проявляемая к лицам, совершающим преступления в неагрессивных формах. Однако мы не можем полностью разделить данные точки зрения ввиду следующего. Во-первых, имеется судебная практика по применению ст. 230 УК РФ в подобных ситуациях, из которой следует, что субъекты целенаправленно возбуждали у потерпевших желание употребить наркотик, используя указанные выше формы «склонения», располагали наркотиками, передавали их потерпевшим, которые в результате их незаконно употребили вследствие оказанного на них влияния со стороны преступных субъектов. Такие ситуации не представляются лишенными общественной опасности. Во-вторых, изучение зарубежного опыта показало, что подобные действия рассматриваются как составообразующие [15]. В-третьих, ограничение квалификации по конкретному способу может способствовать тому, что злоумышленники будут приобщать жертв к наркотикам именно так. Мы полагаем, что для оценки деяния как «склонения» важно установление его направленности на «возбуждение желания», при этом примерный перечень форм воздействия должен быть открытым, с указанием наиболее типичных и дискуссионных способов, выявленных сравнением судебной практики и экспертных оценок (предложение, вопрос, конклюдентное действие, совет, восхваление, демонстративное поведение, связанное с наркотиком).

Б. Некоторые правоприменители отождествляют «предложение» и «уговоры». Однако это представляется не совсем точным. Во-первых, в психологической классификации форм коммуникации сообщение некой информации (например, о возможности потребить наркотик) не отождествляется с уговорами, подразумевающими преодоление несогласия, убеждение [16, с. 103, 105, 119–120]. Во-вторых, криминалистические и психологические отличия данных форм воздействия явно наблюдаются в судебной практике, когда субъект сначала советует, предлагает, а потом, получив от жертвы отказ, начинает убеждать ее, используя неоднократные предложения, рациональные и эмоциональные аргументы. Такое убеждение может быть длительным, настойчивым. В этой связи не только несовершеннолетние, но и многие взрослые люди могут испытывать затруднения с противостоянием давлению. Таким образом, уговоры не только (и не столько) возбуждают желание, а преодолевают явное несогласие жертвы, навязывают ей определенную линию поведения, выступают более агрессивной формой преступления, чем возбуждение желания. В-третьих, большинство опрошенных нами экспертов считают, что формы, направленные на возбуждение желания (предложение, совет), и уговоры, нацеленные на убеждение несогласного, характеризуются различным характером и (или) степенью опасности. Логично нормативно разграничить эти формы преступления, уточнив их направленность.

В. В постановлении ПВС РФ обман упоминается в одном ряду с действиями, направленными на принуждение к потреблению наркотиков. Это согласуется с его трактовкой как разновидности принуждения, однако данная точка зрения не является бесспорной. Так, в психологической литературе [17] обман связывается не с принуждением, а с введением в заблуждение, что тре-

бует учета. Кроме того, опрос показал, что мнения экспертов не совпадают по вопросу о направленности обмана. Одни связывают его с сообщением сведений (ложных), потенциально способных вызвать интерес к наркотикам; другие – с нацеленностью активности субъекта на обеспечение потребления наркотиков жертвой в результате ее заблуждения. Мы придерживаемся второй точки зрения – обман есть действия, следствием которых становится потребление пострадавшим наркотиков в результате заблуждения. Это объясняется тем, что «информация, потенциально способная вызывать интерес к наркотикам», может интерпретироваться расширительно и отождествляться с иными способами преступления (с возбуждением желания употребить наркотик). Нормативное закрепление такой направленности обмана способствует отграничению «склонения» от действий, заключающихся в передаче наркотика под видом ненаркотического препарата другому лицу или в подбрасывании наркотика в целях фальсификации доказательств или компрометирования кого-либо.

Г. Среди действий, направленных на принуждение, ПВС РФ упоминает психическое и физическое насилие, ограничение свободы.

Термин «психическое насилие» понимается в науке по-разному: 1) как любое воздействие, подавляющее волю жертвы; 2) как угрозы; 3) как угрозы, воздействие, сопряженное с насилием; гипноз и применение к пострадавшему методов психотерапии [18] в криминальных целях.

Экспертный опрос показал, что к психическому насилию в ст. 230 УК РФ работники правоохранительных органов относят требования, высмеивание, оскорбления, упреки в нерешительности, угрозы. Среди последних значатся не только «традиционные» угрозы насилия, повреждения или уничтожения имущества, шантаж, но и угроза прекращения личных отношений, общения (что может быть актуально для молодежной среды, особенно если человека изгоняют из неформальной группы, дискредитируя тем самым в глазах сверстников), ограничения свободы до согласия потребления наркотика. Все это говорит о более широкой трактовке психического насилия на практике. В этой связи в дефиниции преступного деяния должно быть отражено, что психическое принуждение не сводится лишь к стандартным угрозам, а может иметь и иные формы. Поскольку, как свидетельствует практика, принуждение начинается с требования (по сути, ультиматума), которое впоследствии подкрепляется угрозами и насилием, логично закрепить его в разрабатываемой нами дефиниции «склонения» как исходную форму принуждения, указав, что оно может быть выражено в действиях, унижающих честь и достоинство пострадавшего лица, конкретные формы которых могут быть весьма разнообразны. Так, упреки, оскорбления, высмеивание, унижающие склоняемое лицо (с учетом его личности и обстоятельств), могут быть особенно опасны в детской и молодежной среде, некоторые представители которой ориентированы на внешнее одобрение своих действий со стороны авторитетных для них лиц. Поэтому мы допускаем толкование подобных действий в качестве формы принуждения. Изучение германского и швейцарского опыта в этой области также свидетельствует, что подобные действия могут образовывать состав склонения или принуждения к потреблению наркотиков [19]. Однако важно отметить, что упреки, оскорбления и подобные им формы воздействия могут по-разному расцениваться самой жертвой в связи с ее мировоззрением и устоявшимися в значимой для нее социальной среде формами общения. В этой связи логично определить правило квалификации (в примечании), согласно которому указанные действия будут признаваться принуждением в случае, когда они унижают честь и (или) достоинство склоняемого к употреблению наркотиков лица.

Угрозы и насилие рассматриваются как формы принуждения и будут отражены в квалифицированном составе преступления, поэтому в дефиницию не включаются. Ограничение свободы также нецелесообразно закреплять в ней, поскольку оно сопряжено с угрозами и насилием (по сути, это угроза ограничивать свободу кого-либо до выполнения им требования употребления наркотиков).

Д. Ст. 230 УК РФ не содержит указания на незаконный характер потребления наркотиков. Хотя это может показаться очевидным, не исключены ситуации неединообразной оценки. Так, возможны дискуссионные моменты при определении возможности применения ст. 230 УК РФ к лицам, использующим наркотические лекарственные средства в законных целях, но с нарушением установленного порядка. Во избежание таких ситуаций, принимая во внимание германский и швейцарский опыт, а также диспозиции ст. 228, 228¹ УК РФ, логично закрепить в ст. 230 УК РФ положение, в соответствии с которым «склонение» будет пониматься как действие, направленное на незаконное потребление наркотиков. Иные ситуации должны оцениваться с учетом норм главы 8 УК РФ, ст. 330 и иных норм УК РФ.

Е. Судебное толкование связывает момент окончания преступления с совершением деяния. В то же время в научной литературе высказывались предложения по его переносу на формирование желания употребить наркотик или на момент его потребления [20, с. 37]. Экспертным опросом установлено, что большинство респондентов выступают за сохранение существующего

подхода, но есть и представители иных точек зрения. Мы полагаем правильным сохранить действующий подход, поскольку его корректировка (перенос момента окончания преступления на формирование желания употребить наркотик или собственно на момент его потребления) может привести к недооценке опасности преступления, а большинство опрошенных нами экспертов полагают, что санкции, предусмотренные ч. 1 ст. 230 УК РФ, в целом справедливо отражают общественную опасность преступления.

Таким образом, склонение к потреблению есть предложение (в том числе в форме конклюдентного действия, совета или вопроса), восхваление наркотического опьянения, заведомо демонстративное изготовление или потребление средств или веществ, вызывающих наркотическое опьянение, а равно иное ненасильственное действие, направленное на возбуждение у склоняемого лица желания незаконно потребить наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог; уговоры, убеждающие склоняемое лицо, выразившее нежелание, незаконно потребить наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог; обман, направленный на незаконное потребление склоняемым лицом наркотического средства, психотропного вещества или их аналога в результате заблуждения; требование, унижение чести и достоинства и (или) иное действие, направленное на принуждение склоняемого лица к незаконному потреблению наркотического средства, психотропного вещества или их аналога; независимо от того были ли они потреблены в результате склонения.

Наш подход, основываясь на существующей практике, делает ее более совершенной в следующих вопросах: 1) предлагает нормативное, а не судебно-практическое закрепление признаков; 2) указывает на спорные формы преступления; 3) дифференцирует понятия «возбужденное желание» и «убеждение»; 4) уточняет направленность обмана; 5) указывает на незаконный характер потребления наркотиков; 6) содержит определение «склоняемого лица». Опрошенные эксперты поддерживают такой подход с позиции практического опыта.

Систематизация рассмотренных признаков позволяет разработать некоторые подходы к более частным вопросам квалификации (п. 4–6).

4. Исследование свидетельствует о неединообразии понимания юристами признаков «склоняемого лица» в части опыта потребления наркотиков. В этой связи, учитывая влияние данного вопроса на границы исследуемого преступления, логично было бы зафиксировать в примечании к ст. 230 УК РФ, что склоняемым лицом (потерпевшим) не может быть лицо, которое на момент применения к нему преступного воздействия имело синдром зависимости от наркотического средства, психотропного вещества или их аналога и не находилось в состоянии ремиссии, за исключением лиц, склоняемых к употреблению запрещенных веществ путем уговоров, обмана, а также применения к ним действий, направленных на принуждение.

Такая позиция основана на том, что 1) наркоман вне стадии ремиссии испытывает патологическую потребность в употреблении запрещенного вещества, регулярно и добровольно это делает; 2) обсуждение употребления наркотиков в среде наркоманов проходит не с позиции приобщения к наркомании (они уже являются представителями девиантой среды), а в аспекте продолжения их употребления в конкретных жизненных условиях (место, время, обстановка, источник приискания и тому подобное), что выступает одной из форм выражения болезни. Ответственность же за ее проявление, которое не подразумевает привлечения новых лиц к наркопотреблению (прозелитизма), вряд ли бесспорна с точки зрения принципа справедливости. В свете сказанного возбуждение желания употребить наркотик у наркомана несопоставимо с таким воздействием на лиц, не имеющих синдрома зависимости, или на достигших ремиссии наркоманов.

Особая правовая защита необходима зависимым лицам, желающим прекратить прием наркотиков; при этом в их кругу общения об этом может быть неизвестно. Предложенная нами формулировка ориентирована на учет механизма преступления при квалификации таких ситуаций (требуется переход субъекта от предложения или подобного ему действия к уговорам, которые согласно дефиниции из п. 3 подразумевают осведомленность субъекта о нежелании склоняемого лица употреблять наркотик).

Лица, действующие путем обмана или принуждения, не позволяют жертве принять осмысленное и добровольное решение об употреблении наркотика, поэтому должны нести ответственность по ст. 230 УК РФ независимо от наличия наркомании у потерпевшего.

В рамках нашего подхода квалификация не дифференцирована в зависимости от вида наркотика, предлагаемого наркоману, поскольку деление данных субстанций на более или менее «тяжелые» в значительной степени оценочно и требует дополнительного анализа субъективных признаков преступления.

Наш подход подразумевает баланс интересов защиты населения от наркотизации и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, что соответствует принципам, закрепленным в ч. 1 ст. 6 УК РФ, ст. 6 УПК РФ. Такой подход коррелирует с германской доктриной, где сложилось понимание того, что склоняемое лицо «не должно быть настроено на потребление

наркотика к моменту совершения преступленного деяния» [цит. по: 21, с. 346]. Большинство опрошенных экспертов поддерживается предложенный нами подход.

5. Исследованием выявлены факты неединообразной квалификации ситуаций, схожих со «склонением», но инициированных «потерпевшим». Мы предлагаем следующее правило квалификации: «инициатива в совершении склонения к потреблению наркотиков принадлежит субъекту преступления. Не образует признаков состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, угощение гражданина наркотиком по его собственной просьбе, выразившей его окончательное желание, сформировавшееся независимо от лица, у которого данный гражданин попросил наркотик для потребления. Не образует признаков состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, также описание характеристик наркотика субъектом при его незаконном сбыте на возмездной основе (продаже), инициированном покупателем, за исключением тех случаев, когда эти действия убеждают приобретателя, не принявшего еще решения о том, употребить ему наркотик или нет, в принятии положительного решения». Это правило выводится из дефиниции «склонения» (п. 3), в которой определена направленность действий субъекта на возбуждение желания через убеждение, обман, принуждение (а не на «поддержание» человека в стремлении к употреблению наркотиков). В этой связи логично закрепить его не в ст. 230 УК РФ, а в виде пункта 27-2 постановления ПВС РФ от 15.06.2006 г. № 14.

Наша позиция основана на том, что лицо, обращающееся к сбытчику с целью незаконной покупки наркотика, уже приняло решение о совершении такой «сделки», интересуется характеристиками покупаемого «товара», чем инициирует специфическое общение на тему свойств наркотика.

В то же время практике известны ситуации, когда один и тот же субъект, «склоняя» человека, предлагает ему купить у себя наркотик в ближайшее время. Спустя некоторое время «склонитель» и его жертва встречаются для осуществления сделки. При покупке субъект продолжает уговаривать склоняемое лицо употребить наркотик. Склонение в такой ситуации становится продолжимым и требует системной правовой оценки.

На наш взгляд, предлагаемый нами подход соответствует принципам уголовной юстиции, закрепленным ч. 1 ст. 6 УК РФ, ст. 6 УПК РФ. Он коррелирует со швейцарской доктриной, где потерпевшим не может быть лицо, которое окончательно решило употребить наркотик. Если же лицо, хотя и склонно к потреблению наркотика, но не решило окончательно, будет ли его употреблять, оно выступает потерпевшим в случае осуществления в отношении него склоняющих действий. «Подстрекательство» такого лица к потреблению наркотика подпадает под признаки данного преступления [22].

6. В уголовном праве во многом дискуссионны вопросы о возможности охвата («поглощения») более тяжким составом преступления менее тяжкого. В исследуемой практике эта научная проблема приобрела характер вопроса о том, может ли незаконный сбыт наркотиков «охватить» признаки «склонения» без вменения ст. 230 УК РФ. Экспертный опрос выявил разнообразные подходы к его решению. Учитывая различие общественной опасности незаконного сбыта и «склонения», считаем логичной позицию Пленума ВС РФ, рекомендующую квалифицировать сбыт и склонение наркотиков как совокупность преступлений «при необходимых обстоятельствах». Такая позиция коррелирует с подходами германского и швейцарского права, где данные составы преступлений дифференцированы. В то же время категория «необходимых обстоятельств» может быть истолкована противоречиво, необходимо более точное и подробное изложение обстоятельств, при которых можно говорить о совокупности совершенных преступлений. В этой связи, основываясь на типичных формах передачи наркотика склоняемому лицу, выявленных в ходе обобщения практики, предлагаем дополнить п. 27-2 постановления ПВС РФ от 15.06.2006 г. № 14 таким положением: «Явная или скрытая (под видом ненаркотического вещества) для склоняемого лица передача ему наркотика для потребления, а равно принудительное введение в организм склоняемого лица наркотика подразумевают его реализацию со стороны конкретного субъекта и, независимо от размера вещества, образуют совокупность преступлений с деяниями, предусмотренными ч. 1 ст. 228¹ УК РФ. В целях доказывания факта сбыта наркотиков при склонении наряду с иными доказательствами могут использоваться результаты судебной экспертизы, свидетельствующие об обнаружении следов употребленного наркотика в организме склоненного лица».

7. Квалифицирующие признаки объективной стороны. Согласно доктринальным разъяснениям квалифицирующие признаки должны обладать типовой повышенной степенью общественной опасности. К числу квалифицирующих признаков ст. 230 УК РФ отнесены следующие способы: использование информационно-коммуникационных сетей и «применение насилия или угрозы его применения».

Решение законодателя о признании использования сети Интернет квалифицирующим признаком, на наш взгляд, может быть полезно в плане предупреждения использования электронных технических средств для совершения преступления, что осложняет идентификацию злоумышленника.

Ограничение угроз, влекущих за собой повышенную ответственность, только обещанием причинить насилие вряд ли полностью оправдано, поскольку и иные виды угроз (шантаж, обещание уничтожения имущества, причинения иного вреда) являются очевидными формами манипуляции жертвой. В этой связи В.М. Хомутов предлагал выделить угрозы в квалифицированные составы, дифференцировать их с учетом того, подразумевала ли угроза насилие, в том числе опасное для жизни [23, с. 156–157]. Такое деление, на наш взгляд, может осложнить квалификацию, поскольку формулировка угрозы может быть противоречиво истолкована. Полагаем, что все угрозы логично вынести в квалифицированный состав без их дальнейшей дифференциации.

Также В.М. Хомутовым [24] предлагалась дифференциация насилия по степени опасности для здоровья человека. Достоинством такого подхода является не только внесение большей справедливости в оценку опасности содеянного, но и возможность сбалансировать санкции, предусмотренные статьями 230 и 111 УК РФ. Так, ответственность за насильственное «склонение» к употреблению наркотиков (ч. 2 ст. 230 УК РФ) охватывает ч. 1–2 ст. 111 УК РФ, а 3 часть ст. 111 (групповое преступление) требует квалификации преступлений по совокупности, что путем полного сложения наказаний приводит к санкции в виде лишения свободы на срок 18 лет. Это несопоставимо с наказанием за «склонение», повлекшее по неосторожности смерть (до 15 лет).

Поскольку причинение тяжкого вреда здоровью логично учесть не только в связи с применением насилия, но и как следствие наркопотребления, целесообразной видится дифференциация квалифицирующих признаков по модели ст. 163 УК РФ (с применением насилия – повлекшее тяжкий вред здоровью), сопряженная с некоторой корректировкой санкций (за применение насилия ориентировочно от 4 до 7 лет лишения свободы; за тяжкий вред здоровью – от 6 до 12 лет или от 7 до 12 лет). Это позволит исключить разграничение статей 111, 230 УК РФ, сбалансирует уровень ответственности.

Пределы санкций определены с учетом мнения экспертов, поддерживающих дифференциацию обозначенных форм «склонения». Отметим, что пределы предлагаемых санкций (от 4 до 12 лет) отличаются от предусмотренных ч. 2 ст. 230 УК РФ (от 5 до 10 лет) на ± 1 –2 года, что сравнительно немного, а следовательно, не противоречит мнению экспертов, считающих существующие санкции адекватными опасности преступления.

К числу форм преступления с повышенной опасностью следовало бы отнести и «склонение» путем обмана, заключающегося в сообщении склоняемому лицу заведомо ложных сведений о предлагаемом к употреблению веществе или последствиях его введения в организм; в сокрытии сведений, которые влияют на идентификацию конкретного средства, вещества, предмета, вещи как наркотического средства, психотропного вещества или их аналога, а равно их смеси, в умолчании о них. Повышенная опасность определяется тем, что заблуждение, формируемое таким путем, фактически лишает жертву возможности выбора, употреблять ей наркотик или нет, что весьма близко к характеру опасности физического принуждения в отличие от иных разновидностей обмана («неопасно»), не исключающих такой возможности.

В ст. 230 УК РФ последствия преступного деяния дифференцированы в зависимости от его итога: повлекшее за собой «смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия» требует применения санкции в виде 10–15 лет лишения свободы), «смерть двух и более лиц» предполагает наступление ответственности в виде 12–15 лет заключения. Некоторые сомнения вызывает отождествление опасности смерти с опасностью наступления «иных тяжких последствий». ПВС РФ в постановлении от 15.06.2006 г. № 14 относит к последним самоубийство, возникновение проблем со здоровьем, вызванных наркоманией и сопряженным с ней заражением ВИЧ-инфекцией, а равно иные последствия, определение которых оставлено на усмотрение правоприменителя. Эксперты, опрошенные нами, в качестве таких последствий указывают на совершение потерпевшим преступления в результате наркоопьянения, увольнение потерпевшего с работы в связи с наркопотреблением. При всей тяжести данных последствий вряд ли справедливо сравнивать их опасность с наступлением смерти потерпевшего. Отдельные эксперты отмечают, что отождествление смерти и тяжкого вреда здоровью также не вполне оправдано. Это актуализирует вопрос о дифференциации последствий.

В Уголовном кодексе различение последствий преступного деяния осуществляется несколькими способами, что связано, как представляется, с особенностями конкретных преступлений. Например: насилие – умышленное воздействие, причиняющее, в том числе, тяжкий вред здоровью – неосторожное причинение смерти (ст. 126 УК РФ); насилие – причинение тяжкого вреда здо-

ровью (ст. 163 УК РФ); взрыв, поджог, иное действие – неосторожное причинение смерти, значительный имущественный ущерб или иные тяжкие последствия – умышленное причинение смерти (ст. 205 УК РФ).

Наиболее подходящей видится модель, отраженная в ст. 126 УК РФ, ранжирующая тяжесть квалифицирующих последствий по принципу обратимости (вред здоровью) и необратимости (смерть). Кроме того, наиболее суровая ответственность за неосторожное причинение смерти (в сравнении с причинением вреда здоровью) создает условия для предупреждения распространения наркотиков, «качество» (относительная безопасность немедицинского употребления) которых крайне низко и с высокой вероятностью может привести при их употреблении к отравлению, опасному для жизни.

Так, к «наименее тяжким последствиям» можно было бы отнести неосторожное причинение вреда здоровью. «Более тяжкие последствия» могут быть выражены в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. «Наиболее тяжкие последствия» проявляются в неосторожном причинении смерти одному или нескольким лицам.

8. Дифференциация способов и последствий создает предпосылки и для разделения квалифицирующих признаков, связанных с групповым характером преступления. Логично было бы различать действия группы лиц по предварительному сговору и организованной группы в ст. 230 подобно тому, как это сделано в статьях 228¹ 229, 229¹ УК РФ.

9. Согласно большинству толкований «склонение» характеризуется виной в форме прямого умысла (ч. 1–2) или двумя формами вины: умыслом по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к последствиям (ч. 3–4). Умышленное отношение к последствиям не охватывается действующей редакцией ст. 230 УК РФ. Это обстоятельство порождает неоднозначность при квалификации действий, направленных на формирование у жертвы наркомании, а также действий, допускающих наступление наркомании или проявление безразличного отношения к наступлению этого последствия.

Обобщение судебной практики показало, что по ряду дел субъекты совершали деяния, которые с высокой вероятностью были направлены на развитие наркомании у потерпевшего. Об этом свидетельствует, в частности, систематичность и многократность предложения наркотиков, использование зависимости потерпевшего для сбыта ему наркотиков. Результатом таких деяний становилось развитие наркомании. Важно отметить, что субъекты не совершали каких-либо действий, направленных на предупреждение указанного последствия. В этой связи затруднительно говорить о самонадеянном расчете на предупреждение последствий (легкомыслие) и непредвидении последствий (небрежность). В большей степени такие ситуации (де факто) можно охарактеризовать как результат прямого или косвенного умысла (субъекты желали развития наркомании у потерпевших или относились к данному возможному последствию своих действий безразлично). Тем не менее содеянное было квалифицировано по ч. 3 ст. 230 УК РФ, что вызывает сомнения.

Опросом установлено, что среди экспертов нет единого подхода к квалификации таких действий как на стадии покушения, так и при наступлении последствий. Так, при покушении дискутируются варианты квалификации деяний по ст. 30, 111; по 230 УК РФ или по их совокупности. При наступлении последствий предлагаются варианты применения ст. 111, 230 или их совокупности.

Некоторую сложность вносит и соотношение санкций, предусмотренных ст. 111, 230 УК РФ, рассматривающихся как критерий «поглощения» одним преступлением другого. Так, наказание за причинение тяжкого вреда здоровью – развитие наркотической зависимости у потерпевшего – даже по совокупности со «склонением» может быть меньше, чем за наступление наркомании по неосторожности, что говорит о недостаточной сбалансированности норм.

В то же время в зарубежном праве есть примеры иной регламентации. Так, согласно швейцарской доктрине «склонение» может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом [25].

В.М. Хомутов предлагал вывести в отдельный квалифицированный состав «причинение тяжкого вреда здоровью» [26]. Такое последствие охватывало бы умышленное стремление субъекта к развитию наркомании у потерпевшего. Разделяя подобный подход, мы отмечаем, что при его реализации возможна неясность принципов квалификации действий, направленных на формирование наркомании, но не повлекших ее развития, возникает содержательная конкуренция с ч. 3 ст. 30, ст. 111 УК РФ.

Во избежание этого необходимо закрепление в ст. 230 УК РФ квалифицирующих признаков деяний субъекта. Так, они могут быть осуществлены: 1) с целью многократного (более двух раз) употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов склоняемым лицом, а равно с целью причинения тяжкого вреда его здоровью в результате их потребления

(по санкции охватывает покушение в соответствии с ч. 1–3 ст. 111 УК РФ); 2) умышленно повлекшее наступление тяжкого вреда здоровью (охватывает ч. 1–3 ст. 111 УК РФ). Эта точка зрения поддержана опрошенными экспертами.

10. Для квалификации деяний важна не только сама форма вины, но и ее содержательная характеристика. Так, наряду со ст. 230 УК РФ установлена ответственность за склонение (вовлечение) к потреблению иных видов субстанций, обладающих психоактивными свойствами. Важно учитывать осознание субъектом вида субстанции, предлагаемой к потреблению. Возникает вопрос о том, возможно ли склонение в ситуациях, когда осведомленность субъекта о точных признаках предлагаемой субстанции является относительной, неполной. Принимая во внимание нормативные признаки аналогов наркотических средств, логично было бы разъяснить, что «действия лица, не знавшего точных химических и (или) юридических характеристик предлагаемого к потреблению вещества, но осознававшего, что данное вещество обладает свойствами, которые тождественны наркотическим (изменяет психическое состояние, вызывает привыкание и т. п.), подлежат квалификации по ст. 230 УК РФ как склонение к потреблению аналога наркотического средства или психотропного вещества» в постановлении ПВС РФ от 15.06.2006 г. № 14.

Также дискутируется вопрос о том, должно ли «склонение» двух и более лиц быть охвачено единым умыслом [27, с. 7–9]. Опросом экспертов установлено, что большая их часть поддерживает необходимость признания наличия единого умысла для осуществления такого деяния. Полагаем, что такая трактовка способствует точности при разграничении одного от нескольких преступлений по критерию «единство умысла». Закрепление этого вопроса в судебном разъяснении помогло бы установлению единообразия практики.

Предметом дискуссии является и вопрос о трактовке содержания «единого умысла» при квалификации «склонения» как продолжаемого преступления. Обобщение практики показало, что по некоторым делам ряд эпизодов в отношении одного лица оценивается как продолжаемое преступление, а по иным подобным делам – как совокупность преступлений. Для единообразной квалификации подобных деяний необходимо уточнить, какие признаки преступления должны быть охвачены единым умыслом. Отметим, что Пленум ВС РФ разработал правила квалификации некоторых продолжаемых преступлений (хищения, вымогательство, изнасилование), в которых подчеркивается, что для них характерно многоэпизодное воздействие на один и тот же объект, предмет или потерпевшего [28]. Полагаем возможным перенести эти подходы на квалификацию ст. 230 УК РФ, указав в постановлении ПВС РФ от 15.06.2006 г. № 14, что «если несколько преступных действий, предусмотренных ст. 230 УК РФ, объединены единым умыслом и направлены на достижение общей цели – склонение одного и того же лица (одной и той же группы лиц) к потреблению как одного и того же, так и различных наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, то данные действия составляют в совокупности единое продолжаемое преступление».

11. Изучение практики показало, что некоторые субъекты совершали «склонение» с целью облегчить совершение другого преступления. Так, используя возможности «склонения», злоумышленники привлекали жертв к участию в незаконном сбыте наркотиков, облегчали совершение насильственных преступлений. Такая криминальная практика, знание о ней являются криминальным фактором. Это требует дополнительных мер уголовно-правового предупреждения, повышенной ответственности. Так, в уголовном законе совершение преступления в целях облегчения выполнения другого преступного деяния есть квалифицирующий признак. В этой связи его логично было бы выделить в разряд квалифицирующих и в ст. 230 УК РФ.

Обобщая сказанное, предлагаем вариант изменения ст. 230 УК РФ и представления ее в следующей формулировке.

«Статья 230. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов

1. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, то есть предложение (в том числе в форме конклюдентного действия, совета или вопроса), восхваление наркотического опьянения, заведомо демонстративное изготовление или потребление средств или веществ, вызывающих наркотическое опьянение, а равно иное ненасильственное действие, направленное на возбуждение у склоняемого лица желания незаконно потребить наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог; уговоры, убеждающие склоняемое лицо, выразившее нежелание, незаконно потребить наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог; обман, направленный на незаконное потребление склоняемым лицом наркотического средства, психотропного вещества или их аналога в результате заблуждения; требование, унижение чести и достоинства и (или) иное действие, направленное на принуждение склоняемого лица к незаконному потреблению наркотического средства, психотропного вещества или их аналога; независимо от того были ли они потреблены в результате склонения, – наказываются ... (санкция без изменений, то есть до пяти лет лишения свободы).

2. То же деяние,
а) совершенное группой лиц по предварительному сговору;
б) совершенное в отношении двух или более склоняемых лиц;
в) совершенное с целью обеспечения многократного (более двух раз) потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов склоняемым лицом, а равно с целью причинения тяжкого вреда его здоровью в результате их потребления;
г) совершенное с целью облегчения совершения другого преступления;
д) совершенное путем обмана, заключающегося в сообщении склоняемому лицу заведомо ложных сведений или умолчании о характеристиках, которые влияют на идентификацию конкретного средства, вещества, предмета, вещи как наркотического средства, психотропного вещества или их аналога, а равно их смеси;
е) совершенное с применением угроз и (или) насилия;
ж) совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет);
з) повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью или иное нарушение прав или законных интересов потерпевшего, –
наказывается лишением свободы на срок от четырех до семи лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

3. Те же деяния, совершенные
а) организованной группой;
б) с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, –
наказываются лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

4. Деяния, предусмотренные частями 1–3 настоящей статьи, если они:
а) совершены лицом, достигшим восемнадцати лет, в отношении несовершеннолетнего лица;
б) повлекли по неосторожности смерть человека, –
наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

5. Деяния, указанные в настоящей статье, повлекшие по неосторожности смерть двух и более лиц, наказываются лишением свободы на срок от одиннадцати до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Примечания

1. (без изменений).
2. Упреки, высмеивание и иные подобные действия могут быть квалифицированы как принуждение, если они унижают честь и (или) достоинство склоняемого лица.

3. Склоняемым лицом (потерпевшим) не может быть лицо, которое на момент склонения имело синдром зависимости от наркотического средства, психотропного вещества или их аналога и не находилось в состоянии ремиссии, за исключением лиц, склоняемых путем уговоров, обмана, а также действий, направленных на принуждение».

Изложенные по тексту работы правила квалификации логично было бы отразить в виде дополнений к пункту 27 постановления ПВС РФ от 15.06.2006 г. № 14.

Список источников:

1. Павлов С.Н. Объект и последствия преступления в теории уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011. 27 с.
2. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. 785 с.
3. Боер В.М., Шамрай В.Н. Теоретико-правовое обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в современных условиях // Бизнес в законе. 2012. № 3. С. 161–164 ; Литвишков В.М. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Краснодар, 2018. 103 с.
4. Иващенко М.С. Преступления против здоровья населения: вопросы криминализации, систематизации и уголовно-правовой оценки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 22 с.
5. Емельянов В.М. Общественная нравственность как объект правонарушения. Тюмень, 2011. 92 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ответ. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005. 1080 с.
7. Пуклич Т.И. Содержание общественной опасности склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ // Естественные права человека и гражданина как высшая ценность демократического общества : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов. М., 2010. С. 98–99.
8. Булычева Е.С. Сущность уголовно-правового понятия «склонение к потреблению наркотических средств и психотропных веществ» // Актуальные проблемы совершенствования российского законодательства и право применения. М., 2009. С. 25–28.

9. Клименко Т.М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2008. 432 с.
10. Винокуров В.Н. Непосредственный объект преступления и его место в классификации объектов преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 2 (6). С. 96–101.
11. Там же.
12. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 30 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2002. 864 с.
14. Мясников В.В. К вопросу оценки объективной стороны склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (ст. 230 УК РФ) // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии : в 2 ч. Воронеж, 2010. Ч. 1. С. 138–140.
15. Kotz P., Rahlf J. Praxis des Betäubungsmittelstrafrechts. Köln, 2012. 1676 s.
16. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб., 2014. 576 с.
17. Там же.
18. Безручко К.В. Понятие преступлений, связанных с применением насилия, и вопросы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2007. 209 с. ; Наумов А.В. Уголовно-правовое значение насилия // Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 49–65 ; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право. М., 2005. 560 с.
19. Kotz P., Rahlf J. Op. cit.
20. Кухарук В. Спорные вопросы квалификации склонения к употреблению психоактивных веществ // Уголовное право. 2007. № 1. С. 35–39.
21. Apfel H., Strittmatter G. Praxiswissen Strafverteidigung im Betäubungsmittelrecht. Hamburg, 2014. 668 s.
22. Seiler H. Juristisches Gutachten für das Bundesamt für Gesundheit zu Rechtsfragen eines Ecstasy-Monitorings vom 21.02.1997 / Bundesamt für Gesundheit. Bern, 1997. 28 s. ; Orduna A. Projektbericht Drug-Checking. Ein wichtiger Beitrag zur Prævention im Nightlifebereich. Lzern, 2017. 118 s.
23. Хомутов В.М. Преступные посягательства, направленные на формирование и расширение девиантной среды наркоманов и лиц, допускающих немедицинское потребление наркотических средств или психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2003. 180 с.
24. Там же.
25. Seiler H. Op. cit. S. 16.
26. Хомутов В.М. Указ. соч.
27. Мурашов Н.Ф. Ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или из аналогов (ст. 230 УК РФ). Некоторые спорные вопросы теории и практики // Наркоконтроль. 2016. № 2. С. 3–11.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/1352873/> (дата обращения: 17.08.2021) ; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70712364/> (дата обращения: 17.08.2021) ; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190790/ (дата обращения: 17.08.2021).

Информация об авторе

А.А. Савинков – соискатель ученой степени, Москва, Россия.

Information about the author

A.A. Savinkov – External PhD student, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.07.2021;
 Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 16.08.2021;
 Принята к публикации / Accepted for publication 19.08.2021.